

А.В. Чичулин

Кооперативная политика западно-сибирских советских органов власти с октября 1917 г. по май 1918 г.

Ключевые слова: автономия, власть, государство, государственный аппарат, компромисс, кооперация, кооперативная политика, национализация, нейтралитет, Советы.

Key words: autonomy, authority, state, state apparatus, compromise, cooperation, cooperative policy, nationalization, neutrality, Soviets.

В комплексе проблем российской истории советского периода, которые подвергаются сейчас переосмыслению, одной из ключевых является объективный анализ кооперативной политики. Её изучение представляет несомненный интерес как для науки, так и для современной практической деятельности в аграрной сфере. Объективное осознание прошлого кооперативного опыта, извлечение из него необходимых уроков – важное условие успешных поисков рациональных путей развития современной России в условиях многоукладной экономики и выхода из мирового экономического кризиса.

Общеизвестно, что события октября 1917 г. вызвали крайне неоднозначную реакцию кооперативного общества. Руководство западносибирской кооперации, в подавляющем своём большинстве представленное сторонниками и членами эсеровской партии, заняло следующую политическую позицию: во-первых, никакого сотрудничества с большевистскими органами власти; во-вторых, активное противодействие новой власти и восстановление аппарата Временного правительства; в-третьих, укрепление демократического устройства через созыв Учредительного собрания и избрание на его основе общенародного правительства.

В сложившейся ситуации при выработке кооперативной политики западносибирские органы советской власти были поставлены перед непростым выбором, необходимо было определиться с ролью кооперации в новой политической и социально-экономической системе и ответить на вопрос, нужна ли новой власти кооперация и если нужна, то на каких принципах выстраивать взаимоотношения с ней. В условиях отсутствия чётко разработанной общероссийской государственной политики в кооперативной сфере в первые послеоктябрьские месяцы местные органы власти практически не занимались кооперацией, сосредоточив свои усилия главным образом на решении политических проблем, связанных с укреплением своих властных позиций, к тому же силы западносибирских большевиков были ограничены вследствие их малочисленности.

Однако сам факт необходимости выстраивания совместной хозяйственной работы признавался

местной властью с момента её возникновения. Так, руководитель омских большевиков Лобков в своём выступлении на кооперативном съезде (22 декабря 1917 г.) заявил, что советская власть будет поддерживать кооперацию и окажет ей помощь в борьбе с буржуазией, но только при условии, если руководство кооперацией будет проявлять лояльность по отношению к новой власти. В противном случае, «...если руководители кооперации будут пытаться поднимать юнкеров против Советской власти, то к таким кооператорам мы будем беспощадны» [1, с. 56].

Западносибирское кооперативное крестьянство, видя, что местная власть достаточно лояльно относится к деятельности кооперативов, а осуществляемая ею политика на ликвидацию частной спекулятивной торговли создаёт благоприятные условия для развития кооперативных организаций (в свою очередь, способствующих подъёму крестьянских хозяйств), начинает принимать участие в выборах и в работе Советов. На состоявшемся в январе 1918 г. III съезде Советов крестьянских депутатов Западной Сибири были категорически отвергнуты идеи о создании автономии Сибири и заявлено о том, что лучшей формой народовластия являются Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С этого времени наблюдается активизация западносибирских советских органов власти по выработке и практическому осуществлению кооперативной политики в Западной Сибири. Однако её практическое осуществление было направлено в сторону ужесточения своего отношения к кооперативному руководству, что неизбежно привело впоследствии к обострению отношений с кооперацией.

Прежде всего, советская власть объявила о роспуске всех автономных сибирских органов власти. Была распущена Сибирская областная дума, а часть её депутатов арестованы, что вызвало волну возмущения у кооперативной общественности. Так, в телеграмме Алтайского центрального кредитного союза, посланной 6 февраля 1918 г. на имя Сибирской областной думы, говорилось, что «члены союза глубоко возмущены насилием советской власти чинимой над Сибирской думой, которая призвана спасти свободную автономную Сибирь от гражданской войны, установить в ней порядок и наладить экономическую жизнь. Надеемся, что дума найдёт способ проложить пути к выполнению своих задач и осуществить связанные с нею надежды кооператоров» [2, с. 2]. Такая позиция кооперации не могла

не вызвать негативных последствий по отношению к ней со стороны новой власти.

Местные советские органы по мере укрепления своих позиций всё чаще начинают проявлять недоверие и враждебность к кооперации, относясь к ней как к общественно-демократической организации, враждебной по своей идеологии и структуре советской власти. Действия местных властей часто вели к закрытию кооперативов, национализации их имущества, дело доходило и до непосредственных арестов деятелей кооперации. Причиной этому были как конкретные антисоветские действия кооперативных работников, но гораздо чаще не желание представителей местной власти договариваться с кооперацией, искать то, что объединяет, а не, наоборот, разъединяет. Кроме того, из-за отсутствия опыта административной и хозяйственной работы у подавляющего большинства местных советских работников воспринять оправданность многих экономических требований кооператоров было очень сложно. Так, без объяснения причин Щадринским советом солдатских и рабочих депутатов в январе 1918 г. было конфисковано часть имущества Щадринского союза кредитных и судо-сберегательных товариществ и закрыта газета «Народная мысль». В рассылаемых телеграммах союз бил тревогу, что «советом планируется дальнейшее вмешательство в действия союза вплоть до устранения всего состава правления» [2, с. 27]. В свою очередь, 13 февраля 1918 г. Семипалатинский союз кредитных и судо-сберегательных товариществ уведомил представителей советской власти о своём протесте по поводу произведённого ареста общественного кооперативного деятеля Евстафьева, заявив своё требование о его немедленном освобождении [2, с. 25].

Весной 1918 г. кооперативная политика местных органов власти стала склоняться в сторону проведения масштабных национализационных мероприятий в отношении кооперации, что привело к обострению противоречий между ними. Предполагалось путём национализации взять в свои руки хозяйственный аппарат заготовок и распределения и тем самым обезопасить себя от организации, не принимающей советскую власть. Местные органы власти в своей практической деятельности начинают всё чаще бороться не только с проявлениями частной торговли, но и кооперативной. Однако власть всё же осознавала значимость кооперации в социально-экономической жизни государства и вынуждена была искать опору в ней. Власть вынуждена была мириться и считаться с кооперацией, работать с ней на договорных началах, вследствие чего выстраивалась определённая зависимость кооперации от государства и наоборот [3, с. 7об.–8]. В этот период в Западной Сибири наблюдается развёртывание жёсткой конкуренции между советскими продовольственными органами и кооперативным распределительным аппаратом.

Ещё 24 декабря 1917 г. советское правительство опубликовало инструкцию «О правах и обязанностях Советов», на которые возлагалось управление всеми сферами местной жизни. Согласно распоряжению Наркомпрода при Советах создавались продовольственные комиссии, в обязанность которых входило обеспечения населения продовольствием. В Западной Сибири такие комиссии были образованы в течение зимы 1918 г. и сразу же приступили к налаживанию контактов с кооперацией. Руководство, которое выступило против передачи продовольственного дела в руки Советов и осуществления ими контроля за деятельностью кооперации.

Однако не согласие с распоряжениями советских органов власти не означало полного отказа кооператоров от взаимодействия (хотя и вынужденного) с ними. Краевой Западно-Сибирский продовольственный комитет, во главе которого стояли сибирские кооператоры, заявил 13 декабря 1917 г., что «...не желая превращать продовольственное дело в арену политической борьбы и избежать разрушения технического аппарата Краевого управления продовольственными делами, краевой Совет принял решение не препятствовать передаче аппарата в ведение комиссаров, избранных Западно-Сибирским съездом Совдепов» [4, с. 95]. Поскольку, считали западносибирские кооператоры, продовольственное дело всё же перешло в руки Советов, поэтому ничего не остаётся делать, как смириться с этим положением и призвать население к участию в организации заготовок продовольствия, жизненно необходимых стране.

Налаживание первых контактов местной советской власти и западносибирской кооперации осуществлялось через проведение совместных совещаний и собраний. В подавляющем большинстве случаев местные кооперативные союзы соглашались взять на себя обязанность в распределении среди населения товаров, но с обязательным условием сохранения за собой определённой автономии и свободы действий. Так, в конце января 1918 г. в городе Канске прошло совместное совещание советских и кооперативных работников по поводу совместного налаживания товарообмена. Руководство городского Совета заявило, что «поглотить вас никто не собирается, только говорят вам: служите под руководством Совета всему народу. Вы объединяете часть, а мы весь народ». В свою очередь, кооператоры выступили против контроля за своей деятельностью со стороны Советов, считая, что он приведёт к ликвидации кооперации как таковой. Однако, несмотря на достигнутый компромисс о совместных действиях в области товарообмена, кооператоры были глубоко уверены, что «до тех пор, пока продовольственное дело страны будет находиться в руках большевистских продовольственных органов и пока они не прекратят своего вмешательства в деятельность кооперативов, положение кооперации не улучшится» [5, с. 32].

Опубликованный вскоре ленинский проект декрета, предлагающий по-существу национализацию кооперации, подтвердил самые худшие опасения кооператоров и вызвал у них справедливое возмущение. Состоявшийся в Москве в феврале 1918 г. первый Всероссийский кооперативный съезд постановил, что «... проект о потребительских коммунах во всех отношениях несостоятелен... и гибелен для кооперации». Делегаты съезда высказали единое мнение, что «над кооперацией, приближающейся в постепенном своём развитии к осуществлению социализма, никаких принудительных опытов социализации или национализации производимо быть не должно» [6, с. 5–6].

Представители западносибирской кооперации поддержали решения общероссийского съезда. Сибирские кооператоры заявили, что положения декрета противоречат кооперативной природе, что ликвидация свободы функционирования кооперации неизбежно приведёт её к гибели. Так, 2 марта 1918 г. в Новониколаевске состоялось собрание уполномоченных Закупсбыта, на котором принято постановление, не признающее политику власти. В принятой резолюции говорилось, что «надеясь на политическую власть не приходится, так как её действия противоречат интересам кооперации. Власть преходяща. Кооперация должна быть самостоятельной» [7, с. 22].

Опасения западносибирских кооператоров пытались рассеять некоторые руководители местных органов власти. Так, председатель Новониколаевского продовольственного отдела совета Серебрянников в своём выступлении 23 марта 1918 г. обращал внимание, что осуществление государственного контроля за распределением кооперативными организациями товаров мера необходимая и не таящая для кооперации угрозу потери самостоятельности. Однако заявления представителей местной советской власти в серьёз не воспринимались, и многие кооперативные союзы начинают отказываться сотрудничать с советской властью, призывая население к прямому неповиновению. Это вызывало жёсткую реакцию и со стороны ряда местных Советов. Так, 25 марта 1918 г. исполком Омского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов вынес решение о национализации кооперации. Однако на проходящем в Омске (11–23 апреля 1918 г.) краевом съезде советов с участием представителей от трёх кооперативных союзов (Закупсбыта, Синкредсоюза, Союза сибирских маслodelьных артелей) было признано проведение национализации кооперации мерой преждевременной. Учитывая, что этот вопрос активно обсуждался в центральных органах власти, съезд предложил отказаться от национализации кооперативов до вынесения общегосударственного решения [8, с. 3].

Против национализации кооперативных объединений, предпринимаемой рядом уездных и губернских советов, выступило руководство ВСНХ. В рассылае-

мых им весной 1918 г. телеграммах говорилось, что «до получения декретов никаких практических мер в отношении кооперативных организаций не предпринимать. В настоящее время, путём соглашения высшего совета народного хозяйства и центральных органов кооперации, вырабатываются общие положения для кооперации, каковые будут изданы в качестве декрета, и каковыми будут руководствоваться советы в своём отношении к кооперативным организациям» [2, с. 2, 11–13]. Необходимость издания этого распоряжения свидетельствовала о том, что местные органы власти активно проводили стратегическую линию, направленную на огосударствление кооперации.

В свою очередь, центральная власть, осознав невозможность самостоятельного налаживания производства и распределения в масштабах всей страны, вынуждена была отказаться от идеи немедленной всеобщей национализации кооперации, предостеречь местные органы от излишнего усердия и пойти на переговоры с «буржуазными кооператорами». Это свидетельствовало об изменении системы политических мероприятий власти на пути создания социалистического сектора экономики. Так, 7 апреля 1918 г. в Западной Сибири было проведено совместное информационное совещание представителей Алтайских союзных кооперативных объединений с народным комиссаром по продовольствию А.Г. Шлихтером, который доложил взгляды власти в отношении кооперации. В своём выступлении он заявил, что советская власть стремится привлечь кооперацию на службу рабоче-крестьянскому правительству. Последнее планирует в будущем последовательно проводить политику по национализации кооперации. В первую очередь будут национализированы союзные объединения, а затем низовые кооперативы. Докладчик отмечал, в настоящее время кооперативные организации фактически будут находиться под государственным контролем, выполняя исключительно распределительные функции на комиссионных началах. Закупочные же операции власть допустить не может. Это заявление подтверждало письмо от 21 апреля 1918 г., составленное членами правления Кузнецкого союза кооперативов Томской губернии, в котором говорилось, что местный совдеп в категорической форме не разрешает вести закупочные операции. Окончательное разрешение спорных вопросов должно достигаться, по мнению Шлихтера, путём переговоров, в том числе и на местном уровне [9, с. 121–121об., 147].

Достижение взаимного компромисса в декрете «О потребительских кооперативных организациях» (апрель 1918 г.) вызвало противоречивую оценку в среде западносибирских кооператоров. Одни усматривали позитивный характер ряда положений декрета, утверждая, что статьи продиктованы экономическими требованиями самой жизни. Другие относились к декрету настороженно и даже враждебно. Несмотря на то, что сибирские

кооператоры пошли на сотрудничество с советской властью, согласившись выполнять её продовольственные мероприятия, но положения декрета были в большинстве случаев восприняты ими отрицательно. Особенно неприемлем был пункт о наличии контроля за кооперативной деятельностью в деле организации заготовок и распределения. Так, Томский кооперативный союз в своём письме «О введении рабочего контроля» от 17 апреля 1918 г. призвал органы власти не распространять повсеместно положения декрета, касающиеся введения контроля за кооперацией, и снять таковой с Томского союза кооперативов [9, с. 7, 250].

С вступлением в юридическую силу декрета государственная власть активно приступает к расширению сферы взаимодействия с кооперацией. Так, присутствовавший на продовольственном съезде Западной Сибири нарком по продовольствию А.Г. Шлихтер, говоря о политике советской власти в отношении кооперации, заявил, что «возможность для совместной работы открыта. Мы дорожим каждым работником и, если вы поймёте нас, то зовём вас на помощь в нашей работе. Если кооперация встанет на этот путь, то у нас найдётся общий язык и общее дело, к которому я и приглашаю кооперацию» [10]. Как видно, центральная власть планировала привлечь кооперацию на свою сторону в качестве распределительного аппарата, но при условии её политической лояльности. В противном случае тот же А.Г. Шлихтер предлагал национализировать кооперацию во всероссийском масштабе, исходя прежде всего из политических, а не из эффективности экономических соображений.

14 апреля 1918 г. от имени президиума ВСНХ были разосланы телеграммы всем губернским и краевым советам, в которых информировалось о заключении соглашения между правительством и с всероссийскими кооперативными организациями о совместной работе. В тексте телеграммы содержалось требование ко всем советским органам власти прекратить преследование кооперативов, восстановить распущенные или уже национализированные, а также освободить арестованных кооператоров [9, с. 1].

27 апреля 1918 г. в Омске при Западно-Сибирском краевом Совете состоялось совещание советских и кооперативных представителей, которые разработали механизм непосредственных взаимоотношений между краевым советом и кооперативными союзами. Согласно достигнутым договорённостям при краевом совете из представителей всех кооперативных союзов организовывалось постоянное бюро, которое должно было обсуждать вопросы заготовок товаров и распределения их по районам. Принято решение, что учёт товаров на местах должен производиться продовольственными комитетами при осуществлении общего контроля со стороны краевого совета [11, с. 30].

Представители правлений Союза сибирских маслodelьных артелей и Закупсбыта пошли на прямые

контакты с центральной государственной властью, убеждая её в необходимости сохранения свободы кооперативной деятельности и прося власть защитить кооперативные организации от незаконного вмешательства в их работу «провинциальных властей». Только при выполнении этого условия возможно выполнить возложенные на кооперацию «весьма сложные функции по распределению продуктов и предметов заводской и фабричной промышленности на обширной территории семи губерний Сибири» [12, с. 79–80].

В мае 1918 г. в связи с практической реализацией положений декрета на территории Западной Сибири наблюдается обострение политических отношений руководства сибирской кооперации с местной властью, период мирного противостояния и компромиссов закончился. Каждая из противоборствующих сторон начинает всё чаще использовать силовые приёмы, что было обусловлено не столько политическими, сколько нарастающими социально-экономическими кризисными тенденциями, охватившими не только западно-сибирский регион, но и страну в целом. Так, член правления «Закупсбыта» Н. Фомин в своей статье «Советская власть и кооперация» писал, что мероприятия, осуществляемые властью, ведут к гибели кооперации и заставляют последнюю вступить «на путь прямой политической борьбы». В сибирских периодических кооперативных изданиях все настойчивее раздаётся критика в адрес всероссийских кооперативных центров за их сотрудничество с властью. Так, в журнале «Сибирская кооперация» указывалось, что кооперативные союзы в ответ на государственные декреты, ограничивающие кооперативную свободу, не смогли однозначно заявить, что ликвидация с помощью кооперации продовольственной катастрофы и выполнение ею роли социализирующего фактора народного хозяйства несовместимы с государственной диктатурой [13, с. 17].

В циркулярном письме от 16 мая 1918 г., разосланном всем кооперативным объединениям Сибири, Союз сибирских кооперативных союзов вновь поднял вопрос о взаимоотношениях кооперации с органами советской власти. В нём утверждалось, что поскольку кооперация действует в рамках той или другой формы государственности, она вынуждена вступать в деловой контакт с органами государства. Но этот деловой контакт не должен уничтожать основных признаков, характеризующих кооперацию. Было заявлено о том, что, несмотря на наличие декрета, определяющего взаимоотношения кооперации с существующей властью, эти взаимоотношения в некоторых местах продолжают оставаться непростыми. Например, декрет конкретно оговаривает, что «формы надзора и контроля за кооперативами и частно-торговыми предприятиями» устанавливаются комиссариатом продовольствия «по соглашению с ВСНХ». Следовательно, учреждение некоторыми местными властями института комиссаров

в кооперативных организациях противоречит декрету и является прямым нарушением циркуляра Комиссариата продовольствия о невмешательстве совдепов в деятельность кооперации [9, с. 14–15].

В циркуляре говорилось, что некоторые союзы Сибири под давлением местных советских организаций входят в прямые договорные отношения, соглашаясь, например, на совместное, на паритетных началах – управление заготовительно-распределительными функциями. Подобное сотрудничество нарушает положения декрета, определяющие характер взаимоотношений кооперации и органов власти и ведёт к ликвидации кооперации как союза – частно-правового. Кроме того, это ведёт к ликвидации основных видовых признаков, таких как добровольность, независимость, самоуправление, самодеятельность. Потеря их означает полное огосударствление кооперации. Исходя из сложившихся условий местным кооперативным организациям предписывалось: «в целях сохранения кооперации воздерживаться от всякого рода договорных отношений с советской властью, привлекающих последнюю к управлению делами кооперативных союзов» [9]. Из этого видно, что кооперативное руководство предпринимало конкретные практические шаги, противодействующие политике властей, связанной с чрезмерным огосударствлением кооперативных организаций.

В течение мая 1918 г. взаимоотношения власти и кооперации всё более накаляются, доходя до прямой национализации кооперативов, арестов в кооперативном руководстве со стороны власти и до не прикрытого саботажа заготовительных и иных мероприятий со стороны союзных кооперативных организаций. Нарастающее противостояние привело от словесных баталий к активному участию руководства западно-сибирской кооперации в подготовке и осуществлению майского вооружённого политического переворота. Правления западносибирских кооперативных союзов отнеслись к нему как к политическому событию

«величайшей важности», создающему возможность восстановления при кооперативном участии государственных демократических начал и подлинного народовластия [14, с. 2]. Руководство сибирских кооперативных организаций поддержало новое сибирское правительство, тем самым окончательно отбросив политический нейтралитет [15, с. 119–126; 16].

Таким образом, в период с октября 1917 г. по май 1918 г. политика западносибирских органов власти в кооперативной области носила сложный и противоречивый характер. В действиях местных органов власти до весны 1918 г. прослеживалось стремление выработать взаимоприемлемые, компромиссные формы взаимоотношений, и в то же время практические действия властей были направлены на установление своего административного влияния в кооперации. Вследствие нарастания в апреле-мае 1918 г. в Западно-Сибирском крае противостояния различных политических сил, в том числе и кооперации и власти, чётко выраженной, экономически эффективной кооперативной политики на местах не суждено было сформироваться, что в конечном итоге закономерно привело к открытому вооружённому конфликту, в ходе которого многие кооперативные деятели активно поддержали политический переворот в Сибири.

Исторический опыт осуществления кооперативной политики в исследуемый период свидетельствует, что успешное развитие кооперативной системы в современных условиях возможно лишь на основе функционирования многоукладной экономики, сохранения и совершенствования традиционных принципов кооперирования – самостоятельности, самодеятельности, демократизма. В то же время он предупреждает о том, что попытки административного давления, противоречивость и непоследовательность в определении места и роли кооперации, несовершенство законодательной базы и правовой нигилизм не способствуют эффективному развитию кооперации и подрывают её основы.

Библиографический список

1. Касьян, А.К. Антинародная роль руководителей кооперации Западной Сибири в первый период Советской власти и гражданской войны (декабрь 1917-ноябрь 1919 гг.) / А.К. Касьян // Ученые записки Омского педагогического института. – Вып. 15. – 1962.
2. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). – Ф. Р. 31. – Оп. 1. – Д. 7.
3. ГАНО. – Ф. Д. 51. – Оп. 1. – Д. 315.
4. ГАНО. – Ф. Р. 31. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАНО. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 187.
6. Известия Совета Всероссийских кооперативных съездов. – 1918. – №3.
7. Труды 7-го очередного общего собрания уполномоченных Закупсбыта 2 марта 1918 г. – Новониколаевск, 1918.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 484. – Оп. 1. – Д. 71.
9. ГАНО. – Ф. Д. 51. – Оп. 1. – Д. 243.
10. Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполкома Советов. – 1918. – №91.
11. ГАНО. – Ф. Р. 31. – Оп. 1. – Д. 13.
12. ГАНО. – Ф. Р. 88. – Оп. 1. – Д. 79.
13. Сибирская кооперация. – 1918. – №4–5.
14. Томский кооператор. – 1918. – №20.
15. ГАНО. – Ф. Д. 51. – Оп. 1. – Д. 34.
16. ГАНО. – Ф. Р. 88. – Оп. 1. – Д. 4